

Наталья Александрова

Веер княгини Юсуповой

Наталья Николаевна Александрова

Веер княгини Юсуповой

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Серия «Роковой артефакт»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62707055
Веер княгини Юсуповой. Роман: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-122009-9*

Аннотация

Богатство представителей рода Юсуповых поражало воображение даже членов императорской фамилии. Однако, эмигрировав из революционной России, самый знаменитый из Юсуповых, Феликс Феликсович, смог вывезти за границу лишь малую долю драгоценностей и предметов искусства, которыми владела его семья. Основная же часть несметных сокровищ была надежно сокрыта...

В наши дни в руки питерской домохозяйки Надежды Лебедевой попадает часть зашифрованной записки, адресованной князем Юсуповым неизвестному лицу, речь в которой идет о какой-то ценной вещи.

Любительница разного рода загадок, Надежда Николаевна посчитала делом чести восстановить недостающую часть таинственной записки и, возможно, отыскать тайник князей Юсуповых.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

78

**Наталья Николаевна
Александрова
Веер княгини Юсуповой**
Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Александрова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

«Чертог сиял»! – усмехнувшись про себя, вспомнила Надежда слова классика.

И действительно, общий зал ресторана, где они с институтскими друзьями отмечали очередную годовщину получения дипломов, выглядел очень эффектно. Огромная люстра под потолком, излучавшая теплый золотистый свет, много-

численные бра на стенах и зеркала между ними – все такое золоченое, помпезное и блестящее. От яркого света болели глаза. К тому же звучала громкая музыка, так что приходилось кричать, чтобы услышать собеседника. Хорошо, что их компания сидела в отдельном зале.

Народу пришло не слишком много – дата была не круглая, отмечать не собирались, но приехал Димка Шапиро из Израиля и захотел всех видеть. Дескать, отдельно к каждому в гости ходить у него времени нет, скоро в Москву уезжает, лекции в Вышке читать, а так все же повидаются.

Тут как раз и вспомнили про этот ресторан, потому что его хозяином был тоже их бывший однокурсник Леня Белугин. Вот повезло человеку – разбогател! Парочка раскрученных ресторанов, кафе, магазины... Ну, Надежда была независливой, это все знали, тем более что выглядел Ленька так себе. Даже со всеми за столом не посидел: зашел ненадолго, пару рюмок выпил, сказал: «У меня встреча важная», да и побежал по делам. Упакован он был, конечно, по высшему разряду. Часы, ботинки – супер, Надежда хоть и не слишком хорошо в этом разбирается, но Люська шепнула, что дорогушие. Про костюм и речи не шло – не иначе как в Лондоне сшит. Но было видно, что устает Ленька сильно – худой, под глазами синяки... Да, бизнес требует забот.

Мысли Надежды перетекли к ее собственному мужу. Сан Саныч тоже много работал, и с этим уж ничего не поделаешь – такая нынче жизнь. А ее долг – заботиться о муже как

можно лучше. Надежда бы и рада, да только Сан Саныч часто уезжал в командировки. Вот и сейчас срочно улетел в Нижний Новгород, иначе она ни в какой ресторан не пошла бы, тем более что встреча получилась спонтанная и народ собрался не то чтобы случайный, но и не близкие друзья, а так, кого нашли из всего потока.

Организовала все Люська Симакова, очень деятельная натура. Надежда с ней в последнее время довольно часто общалась, с тех пор как им вместе пришлось помогать общей подружке выпутываться из сложной ситуации¹.

Грянуло какое-то бойкое ретро, и посетители бросились танцевать. Надежда поскорее скользнула в небольшой «аппендикс» в углу, где стояли парочка кресел, низкий столик, непонятного вида растение в кадке, а также узкое зеркало в резной раме.

Судя по всему, это был уголок отдыха или что там дизайнер имел в виду. По крайней мере, музыка здесь звучала тише, и если люди хотели поговорить, то вполне могли здесь уединиться.

Надежда не хотела ни с кем разговаривать, она хотела поскорее разуться. Вот угораздило ее надеть сегодня новые туфли! Впрочем, куплены они были как раз для таких торжественных случаев: подметка тонкая, каблук высокий, летом по улице в таких недолго проходишь, живо ноги стопчешь. Да и к новому платью туфли подходили идеально.

¹ Читайте роман Н. Александровой «Браслет императрицы».

Тут, среди старых, как говорится, заклятых подруг только дай слабинку, оденься поскромнее – сразу пойдут разговоры, что у нее, Надежды, дела плохи и денег совсем нет, если старую обувь донашивает. А у нее все было хорошо, только правая туфля жала и что-то кололо.

Надежда сняла туфлю и придирчиво исследовала ее с внутренней стороны. Вроде бы все нормально... Ах, вот в чем дело! Она потрясла туфлю, и на руку ей упал крошечный камешек с острыми краями. Ну надо же, как он туда попал?..

Надежда выбросила его в горшок с непонятным растением, и в этот момент в уголок вошел Витька Сизов. Вернее, это они между собой так всех называли – Витька, Петька, а так-то он, небось, уже Виктор... Надежда осознала, что не помнит его отчества. Да и зачем ей?

Она улыбнулась Виктору приветливо, но отстраненно, потому что успела заметить, что у него слишком блестят глаза. Стало быть, выпил прилично. А с пьяным мужчиной лучше не оставаться наедине, он может позволить себе лишнее, потом самому же будет неудобно.

Надежда хотела встать, но Виктор не позволил ей этого, взял туфлю из ее рук и наклонился недопустимо близко.

– Витя... – Надежда попыталась отстраниться, но мешала спинка кресла.

А Виктор встал перед ней на колени и, смеясь, сказал:

– Уж побудь Золушкой ненадолго!

Мимходом Надежда порадовалась, что туфли новые, а

стало быть, не стоптанные, не разношенные и пахнут только кожей и ничем больше. Но все же ситуация ей очень не нравилась. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь их тут увидел, потом разговоров не оберешься.

– Витя, остановись! – она решительно потянула из его рук туфлю. – Ни к чему это.

– Ну что ты, Надя, я так рад снова тебя увидеть... как прежде, как в молодости... – его глаза были совсем близко, и Надежда заметила в них что-то непонятное, незнакомое.

Насколько она помнила, Витька никогда ни на кого так не смотрел. Даже в юности. Странные какие-то были у него глаза... «Впрочем, люди меняются», – неуверенно подумала Надежда и окончательно завладела туфлей.

– Ты что, Надюша, неужели забыла, что у нас с тобой на втором курсе было? – плотоядно хохотнул Виктор, но все же отодвинулся на пару сантиметров.

«Ничего у нас с ним никогда не было, – изумилась Надежда. – Даже в кино вдвоем ни разу не сходили...»

Витя Сизов, насколько она помнила, был серьезным, обстоятельным, учился с большим желанием, по вечеринкам и дискотекам не расхаживал, лекции не прогуливал и за девочками не бегал. Теперь таких называют ботаниками. А на последнем курсе женился на Галке Соломатиной. Поскольку учился он в параллельной группе, Надежда на свадьбе у них не была, не слишком близко они дружили. И потом встречались от случая к случаю, вот как сегодня.

Вспомнив, что Галка, теперь уже Сизова, тоже присутствует на сегодняшней встрече, Надежда сделала титаническое усилие и умудрилась встать с кресла, отпихнув Витьку. Он продолжал стоять на коленях, но уже не в такой опасной близости от Надежды.

– Да вставай ты! – Надежда рассердилась, чувствуя себя с босой ногой полной душой.

Тут кто-то у нее за спиной негромко кашлянул, и, обернувшись, Надежда увидела Галину Сизову, которая стояла в проеме и очень пристально смотрела на них.

«Вот черт... – подумала Надежда, – черт, черт, черт... Только этого не хватало», но мигом вспомнила, что в любой ситуации не надо терять лицо, и широко улыбнулась.

– Привет! – пропела она жизнерадостно. – Далеко сидели, поговорить даже не успели. Хорошо, что музыку здесь не очень слышно. Как вы, ребята, живете?

– Витя, иди к остальным, там горячее подают, – бросила Галина, не глядя на мужа.

Он поднялся с колен чуть покряхтывая, и Надежда с легким злорадством отметила: «Сам уже с пола с трудом встанет, а туда же! Приставать ко мне вздумал!» Виктор молча прошел мимо жены, причем Галина умудрилась мимоходом почистить ему костюм и поправить воротничок голубой рубашки, а затем устало опустилась в кресло и откинула голову.

– Что, приставал к тебе? – спросила она глухо.

– Ну... – Надежда смутилась, – да вроде бы нет... так, поговорили просто...

– Да ладно, я же знаю, что приставал! – заявила Галина, но увидев, что Надежда надела туфлю, подхватила и собралась уже ретироваться от греха подальше, с досадой бросила: – Да не парься ты!

Знакомы они с Галкой были давно, но близко никогда не дружили. Кто их знает, этих Сизовых! Может, у них такие ролевые игры: он пристаёт к женщинам, а она скандалы устраивает на людях. Скучно стало за долгие годы брака, вот и развлекаются. Вдруг сейчас Галка вцепится ей в волосы или выцарапает глаза? Нет, на такое Надежда не подписывалась.

– Да не беги ты, драться не буду! – Галина будто прочитала ее мысли. – Это у него после инсульта.

Надежда снова плюхнулась в кресло.

– Чего? – разинула она рот. – Ты что несешь-то?

– То и несу, – покачала головой Галина. – Инсульт у Виктора был в прошлом году. Тяжелый. Долго в больнице лежал, потом реабилитацию проходил в Сестрорецке... – Она тяжело вздохнула и продолжила: – Восстановился полностью, на работу его выписали, да только вот такие неожиданные последствия. Начал он к женщинам приставать, прямо ко всем подряд – независимо от возраста или внешности. Сначала соседи на меня коситься стали, потом на работе пара скандалов случилась... Ну, сама знаешь, как сейчас к этому от-

носятся: чуть что – про сексуальные домогательства кричат. Так вот одна дура судом пригрозила, ну, я, конечно, к врачу кинулась, который его лечил, – так, мол, и так. Он снова его обследовал, сказал, что с Виктором все в порядке, приборы показали: здоров, а от себя добавил, что в голове у него что-то переклинило, но, вполне возможно, со временем само пройдет. А может, и не пройдет. Врач ничего не обещал и ничем помочь уже был не в состоянии.

– Ужас какой! – совершенно искренне сказала Надежда. – То-то я смотрю – не то с ним что-то. Никогда Витька бабником не был, а тут... Как же вы теперь?..

– Да как... – Галка горько вздохнула. – На работе начальник навстречу пошел, разрешил дома работать... – Она опять вздохнула. – Витя – программист хороший, его ценят. Соседи все в курсе, женщины стараются с ним в лифте не ездить и не разговаривать. С друзьями, даже близкими, не общаемся после того, как муж моей подруги морду ему чуть не набил. Она-то все правильно поняла, не обиделась, а мужику разве что объяснишь? Приревновал. Так и ей еще досталось. Она мне прямо сказала, что ей семейная жизнь дороже. Вот так вот... Устала я, Надя, не представляешь как...

– Может, пройдет у него это? – Надежда жалостливо приоткрыла рот к Галкиной руке и осознала, какая она худая. И платье это, если честно, висело на ней как на вешалке и из моды давно вышло. Но откуда ей новое-то взять? Небось все деньги, что были, на лечение мужа ушли.

– Ой, и не знаю даже. Иногда руки опускаются. В кои-то веки в люди выбрались, а то он все дома в четырех стенах с компьютером, от этого тоже пользы не много, и вот опять...

Надежда молчала, потому что сказать было нечего.

– Ой, что это я сижу, как бы он там снова дров не наломал! Не все такие, как ты, деликатные, еще ругаться начнут... – с этими словами Галина убежала, стуча каблуками.

Надежда вздохнула и посидела еще немного. Галкина история ее так расстроила, что не хотелось никого видеть. И горячего не хотелось. Может, попросить в баре кофе да и уйти по-английски? Деньги они заранее сдали, Леня еще старым друзьям скидку приличную сделал. Люська говорила, что так-то у них дорого, уж больно ресторан пафосный.

Она достала пудреницу и подкрасила губы. Затем причесалась и решила уйти, даже не выпив кофе. Но не тут-то было. В проеме снова показался человек, которого она вовсе не хотела видеть, и Надежда мысленно застонала: «Вот оно...» Вот то, чего она не то чтобы боялась, но очень опасалась.

Бывший муж. Ну да. Где же ему еще быть, когда они учились на одном потоке? Сто лет не виделись. Хоть и развелись очень давно, и вроде бы по-хорошему, без скандалов, но все же видеть его было не слишком приятно.

Когда же они встречались последний раз? У дочки на свадьбе, точно. А это когда было-то... Уж внучке Светланке двенадцать лет скоро, так что выходит...

– Здравствуй, Надя, – сказал бывший хрипло.

– И тебе не болеть... – ответила Надежда осторожно.

Когда он подошел совсем близко, ее подозрения оправдались: точно пьян, причем прилично набрался. В свое время она не любила, когда он был выпившим. Иной мужчина, хлебнув лишку, становится веселым, расслабленным, кто-то поет, кто-то шутками-прибаутками сыплет, а бывший муж сразу мрачнел, взгляд становился тяжелым: бывало, стиснет зубы и смотрит исподлобья, только желваки на скулах ходят. Отец его таким же был, только Надежда свекра мало знала, он давно умер.

Как поженились да дочка через год родилась, Надежде некогда было особенно задумываться. Не сразу она поняла, что не за того замуж вышла, что никак они вместе не уживутся. Да еще свекровь, уж не тем будь помянута, свою лепту внесла. Не то чтобы она Надежду ненавидела, поначалу-то и приняла неплохо, но вечно в их жизнь совалась и постоянно ворчала: все ей не так да не эдак. Уж Надежда по первости старалась угодить как могла, но... молодость есть молодость, стала мужу жаловаться, а он в ответ говорил: «Мать мою не трогай, я с ней всю жизнь прожил, а с тобой всего-то несколько лет. И неясно еще, как долго мы с тобой проживем». Это у него шутки были такие, но Надежда обижалась до слез.

Так бы все и тянулось, если бы не дошли до Надежды слухи, что летом, пока она с дочкой на даче была... В общем, история банальная, и если бы брак у них был крепкий да лю-

били бы они друг друга, то на такие вещи и внимания обращать не стоило бы. А так...

Надежда подумала-подумала да и подала на развод. А бывший не особенно-то ее и удерживал. На коленях не стоял, в грудь себя кулаком не бил, клятв никаких не давал. «Раз так, – сказал, – то и пожалуйста». Это свекровь ему напела: прибежит, мол, куда она с ребенком одна денется... Ну, плохо они оба Надежду знали. Бегать туда-сюда не в ее правилах.

В общем, все как-то устроилось, Алена тогда как раз в школу пошла. Трудновато было Надежде, но ничего, выдержала. Свекровь, когда поняла, что насовсем они развелись, приезжала отношения выяснять, прощения даже просила. Надежда с ней ругаться не стала – глупо помнить прошлые обиды, но вот с мужем старалась не встречаться. А уж когда Алена своей семьей жить стала и Надежда сама замуж вышла, то и вовсе про бывшего забыла. И вот встретились.

– Пока смотрел на тебя из коридора, – бывший сделал шаг вперед, – все думал: неужели эту женщину я любил? Просто не верится сейчас, до того ты изменилась.

Ну да, подумала Надежда с тоской, такое за ним тоже водилось – любил гадость сказать. Причем вовсе не заслуженно. Вот что она ему сейчас-то сделала?

«Правильно я с ним развелась», – чуть не произнесла Надежда вслух, но вовремя одумалась. Он ответит в том же духе, и дело кончится тем, что они разругаются. Из-за ерунды какой-то.

И зачем это все? У людей вон какие несчастья случаются, бедная Галка...

– Такая любовь была, просто страсть! – между тем с пафосом продолжал бывший.

– Да какая там страсть, – рассмеялась Надежда. – Что мы тогда в этом понимали? Все правильно мы сделали, и не говори, что ты жалеешь. Дочка хорошая получилась, внучка растет. У тебя тоже все хорошо, жена, сын... Чем ты недоволен-то?

– Сам не знаю... – Он потер лоб, удивленный ее спокойным тоном. – Извини, выпил лишнего, что ли...

Это была новость: раньше он никогда не извинялся. Надежда уже хотела распрощаться по-хорошему и уйти, но в эту минуту раздался крик.

Не обычный возглас раздражения или недовольства, а резкий, истерический, режущий уши визг, переходящий в ультразвук. По этой захлебывающейся, безумной интонации Надежда поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее, и ноги сами понесли ее на этот звук.

Она оказалась в одном из банкетных залов ресторана, который, в отличие от других, был не подготовлен к приему гостей: стол сдвинут к стене, стулья составлены в углу, а в центре, совсем не к месту, одиноко стоял диван, обитый оранжевой кожей.

В небольшом помещении столпилось человек двадцать, которые стояли плотно, плечом к плечу, и зачарованно смот-

рели на что-то, расположенное как раз у дивана. Именно оттуда, со стороны дивана, доносился визг, который услышала Надежда. Она протиснулась между сгрудившимися людьми и тоже увидела *это*.

Центр зала был пуст – словно зеваки не могли переступить какую-то невидимую черту, как сказочная нечисть в замечательном фильме «Вий» не могла пересечь нарисованный мелом круг. Только вместо Хомы Брута в импровизированном круге находилось четыре человека. Двое из них – женщина в окровавленном шелковом платье персикового цвета и мужчина в темно-синем костюме и голубой, тоже окровавленной рубашке – лежали на полу. Еще одна женщина, в длинном бирюзовом платье, стояла на коленях рядом с мужчиной и держала его за руку, видимо пытаясь нащупать пульс. И наконец, четвертая – полноватая шатенка средних лет в обтягивающем цветастом платье – стояла чуть поодаль, размахивала руками и не переставая визжала.

Таково было первое впечатление, а вникнуть в детали мешал непрекращающийся визг, который ввинчивался в мозг Надежды, как ржавый штопор в винную пробку.

Через несколько секунд какой-то решительный мужчина подошел к шатенке и ударил ее по щеке. Женщина тут же замолчала, как будто ее выключили, и удивленно захлопала глазами, словно безуспешно пытаясь понять, кто она такая и где находится.

Наступила оглушительная тишина, и Надежда наконец-то

смогла осознать увиденное.

Она сразу поняла три важные вещи.

Во-первых, женщина в окровавленном шелковом платье, несомненно, мертва. Об этом говорили ее неестественная поза, широко открытые, невидящие глаза, но в первую очередь – торчащая из груди рукоятка ножа.

Во-вторых, лежащий рядом с ней мужчина жив – он застонал и пошевелился.

И в-третьих, этим мужчиной был не кто иной, как Витька Сизов, который несколько минут назад стоял перед Надеждой на коленях и утверждал, что когда-то давно у них что-то было.

Рядом с Виктором на коленях стояла его жена, и руки у нее были в крови. И бирюзовое платье тоже. «Теперь она его выбросит, – машинально подумала Надежда, – потому что ни одна химчистка не примет», но тут же устыдилась своих мыслей. Нашла о чем думать! Тут дела поважнее.

В эту секунду шатенка, которая только что оглушительно визжала, вздрогнула, завертела головой и вдруг снова застыла, пристально глядя на что-то или на кого-то. Проследив за ее взглядом, Надежда поняла, что шатенка смотрит не на мертвую блондинку, не на раненого Виктора, а на вполне живую Галину. И в следующее мгновение всякие сомнения в этом отпали, потому что шатенка подняла руку и, ткнув в Галину указующим перстом с длинным, ярко-алым ногтем, проговорила дрожащим голосом:

– Она! Она!..

В это время толпа раздвинулась, пропуская вперед, в ту самую заколдованную зону вокруг трупа, двух новых персонажей. Одним из них был Леонид Белугин, владелец ресторана, а вот второго – неприметного худощавого мужчину в мятом, плохо сидящем темном костюме – Надежда прежде не видела.

Скучающий, равнодушный взгляд, которым он скользнул по трупу и остальным участникам мизансцены, а также выражение усталой самоуверенности во всем его облике не оставили у Надежды сомнений в том, что это полицейский. Причем не рядовой полицейский, а хоть и не большой, но все же начальник.

Неприметный мужчина оглядел присутствующих и усталым, но самоуверенным голосом, вполне подходящим к его облику, проговорил:

– Кто нашел тело?

Большинство зевак при одном только звуке его голоса утратили интерес к происходящему и попытались незаметно выскользнуть из помещения. Однако полицейский с той же усталой самоуверенностью (а может быть, самоуверенной усталостью) произнес:

– Никого из ресторана не выпускают. До тех пор, пока мы всех не опросим и не возьмем координаты.

Белугин доверительно склонился к самому уху полицейского и что-то в него зашептал. Полицейский выслушал его

с усталой благосклонностью, кивнул и добавил:

– Мы постараемся сделать это как можно быстрее. И чем скорее вы ответите на наши вопросы, тем скорее освободитесь. Так все же кто обнаружил тело?

– Я! Я! – выкрикнула визгливая шатенка и даже подпрыгнула на месте от переполнявшего ее возбуждения.

– Вы? – полицейский повернулся к ней всем телом и склонил голову набок, словно хотел как следует разглядеть.

– Да, я!

– А эта... гражданка? – полицейский указал глазами на Галину, которая все еще стояла на коленях около мужа и как бы не замечала происходящее вокруг. – Она здесь уже была?

– Была! Была! – Шатенка набрала полную грудь воздуха и продолжила: – Конечно, была! Ведь это она и сделала!

– Да? – Полицейский постарался сохранить усталое спокойствие, и это ему почти удалось. – Вы уверены?

– Уверена! Уверена! Конечно, уверена!

– То есть... вы при этом непосредственно присутствовали? Вы видели, как она убила... потерпевшую?

В его глазах вспыхнул осторожный интерес.

Шатенка на мгновение замерла, как бы колеблясь между доверием к собственным чувствам и некими более высокими соображениями, но все же слегка потупилась и признала:

– Нет, не видела.

– Но тогда почему вы в этом так уверены?

– А кто же еще? Ведь она – его жена...

– Что-то я не понимаю... при чем тут это? Какое отношение к убийству имеют их семейные отношения?

– Ну как же! – Шатенка осторожно приблизилась к полицейскому, склонила голову набок, как он до этого, и доверительным жестом сняла с его плеча невидимую пушинку. – Неужели вы не понимаете? Хотя, конечно, вы же мужчина...

Эти слова прозвучали до обидного снисходительно, на что полицейский не замедлил отреагировать. Он подобрался, отступил на полшага, нахмурился и процедил:

– Поясните!

– Ну как же! Она приревновала мужа... она... э-э... застала его с этой женщиной и не сдержалась... ее убила, а мужа оглушила... говорю же – не сдержалась!

– Откуда вы знаете? Вы же этого не видели, вы же вошли сюда после того, как все произошло?

– А он ко всем приставал! – сообщила шатенка. – Ну, то есть ко всем интересным женщинам. Ко мне, например... – при этих словах она кокетливым жестом поправила волосы и похлопала ресницами, что выглядело довольно смешно. – Но я, конечно, была непоколебима... то есть непоколебима...

Надежда увидела, с какой жалостью и заботой Галина склонилась над Виктором... Нет, не могла она его оглушить, даже в порыве ревности. Кроме того, Надежда вспомнила, о чем совсем недавно рассказывала Галка, и подумала, что, если бы та убивала всех женщин, к которым приближался ее муж, сейчас в ресторане лежал бы не один труп. Здесь был

бы филиал городского морга. Да и не только в ресторане. Галина поубивала бы всех соседей и бывших коллег Виктора. Какую чушь городит эта баба! И ведь так уверенно – дескать, точно знает. Неужели этот полицейский ей поверит?

Прибыла «скорая». Врач осмотрел Виктора, дал ему что-то понюхать, после чего тот потряс головой и обвел всех мутным взглядом. Даже Надежда издалека поняла, что он еще не пришел в себя и никого не узнает. Галина кинулась было к мужу, но полицейский придержал ее твердой рукой. Тут подоспели санитары с носилками, Виктора погрузили и унесли, при этом Надежда заметила, что Белугин сунул что-то в карман врачу. Все ясно, денег дал, чтобы в приличную больницу везли. Молодец, что сообразил. А то отвезут в какой-нибудь гадючник, где одни алкаши да бомжи, которые бутылку бормотухи не поделили, вот кому-то по голове этой бутылкой и досталось.

Оставшихся посетителей полицейский разделил умелой рукой, как пастух свое стадо, а его подчиненные начали опрос. Ничего особенного не спрашивали, только фамилию и адрес, проверяли документы, у кого были с собой, и вежливо просили указать, кто где находился, когда раздался визг шатенки в цветастом платье.

Компания Надежды в основном была в банкетном зале, за исключением Люси Симаковой, которая застряла в туалете, и двух курильщиков, которые вышли на улицу. Надежда честно сказала, что сидела в уголке для отдыха, и сослалась

на бывшего. Он подтвердил, что так оно и было.

– Вот и алиби друг другу устроили, – вполголоса усмеялся он.

Надежда посмотрела на него в упор. Интонация, с которой он это сказал, ее озадачила. Странная какая-то интонация, осторожная, что ли, а еще... еще беспокойная. Вот именно! Хоть и усмеялся бывший муж, хоть и хорохорился, а в его словах Надежда слышала глубоко спрятанный страх. Ведь они прожили больше восьми лет, и она очень хорошо его знала. К тому же Надежда была твердо уверена, что люди со временем не меняются. Если девчонка в школе была занудой, то такой на всю жизнь и останется. И если в институте учился мерзавец, пусть и тихоня, то потом характер обязательно проявится. Просто в юности такие вещи не всегда замечаешь.

Ничего особенно плохого про своего бывшего Надежда сказать не могла. Ну, характер скверный, так это как посмотреть. Ведь живет же с ним его нынешняя жена, причем много лет...

Надежда задумалась. Что-то не давало ей покоя, какая-то деталь. Важная мысль мелькнула на поверхности сознания – и тут же ушла в глубину, как большая темная рыба.

Надежда вздрогнула и опомнилась.

Люди вокруг разошлись, а полицейский вел за локоть Галину Сизову. Галина шла, послушно переставляя ноги, в глазах ее была пустота и странное безразличие к собствен-

ной судьбе. Когда она выходила из помещения, ее взгляд на мгновение остановился на Надежде – и тут в глубине ее глаз на мгновение вспыхнуло какое-то сильное чувство... Что это было?

– Куда ее ведут? – спросила Надежда случайно оказавшуюся рядом Люсю Симакову.

– Как – куда? – Люся взглянула удивленно. – В отделение полиции, куда же еще. Арестовали нашу Галку...

– Арестовали? – переспросила Надежда.

– Ну, или не арестовали, а задержали по подозрению... не знаю точно, как это у них называется.

– Но я не могу поверить... Только на основании слов этой бабы в цветочек?

– Вот и я не могу. Знаешь что... мы тут поговорили... – в голосе и взгляде Люси явственно читалось смущение.

Надежда насторожилась.

– Поговорили? – переспросила она. – Когда это вы успели? И кто это «мы»?

– Ну, мы... Димка Шапиро, еще кое-кто из наших ребят. Никто не верит, что Галка человека убила. Ну, и решили ей помочь. На адвоката скинуться, и вообще...

– Ну, это конечно! – оживилась Надежда и полезла за кошельком. – Я тоже поучаствую... Кому сдавать-то?

– Тебе на карточку переведут, кто сколько может. Ты же говорила, что у тебя соседка старая адвокатша, вот пусть она и порекомендует приличного человека, а то можно так на-

рваться.

Точно, жила в соседнем подъезде Вероника Павловна, которая по причине возраста отошла от дел, но советом всегда могла помочь, да и связи профессиональные у нее остались.

– Найду! – пообещала Надежда. – Толкового адвоката непременно найду! – И записала на листочке номер своей карты.

– Спасибо! – Люся спрятала бумажку в карман. – Но, Надя, ты еще по-другому помоги.

– Что значит – по-другому? – нахмурилась Надежда. – Людмила, что ты еще задумала?

– Я – ничего, – Люська отвела глаза, – но ребята... в общем, ты должна взять расследование этого дела на себя. Надя, ты же это умеешь, ты столько дел расследовала!

Выпалив эти слова, Люська на всякий случай отошла в сторонку, потому что уже знала, что сейчас будет.

– Да? – обманчиво-спокойно спросила Надежда. – А скажи, пожалуйста, откуда, интересно, они узнали, что я кое-какие дела расследовала? Я, знаешь, рекламу в Интернете не даю и на всех углах про себя не кричу! И в газетах обо мне не пишут!

– Ну ладно, – неожиданно быстро согласилась Люся, – ну, может, и от меня они узнали. Хотя слухи и так ходят...

– Люська, ну просила же не болтать! – простонала Надежда. – Ну, знаешь же, как мне важно, чтобы Саша ни о чем не узнал, ведь он такое устроит, до развода дело дойти может!

– Слушай, – твердо сказала Люська, – с мужем ты как-нибудь разберешься, а Галке нужно помочь. Сама знаешь, как у них: есть готовый подозреваемый, так они и разбираться не станут. Зачем кого-то другого искать...

Надежда вспомнила, каким взглядом посмотрела на нее Галина, когда ее уводили, и устыдилась. Ведь она о помощи просила, больше не к кому ей было обратиться... Сама же говорила, что со всеми друзьями и даже с соседями рассорилась из-за того, что Витька к женщинам приставал.

– Ты же не веришь, что она из ревности ту бабу убила... – продолжала Люся. – Ведь это же просто смешно.

– А ты знала... про Витьку-то?

– Да знала, конечно, – Люся с досадой махнула рукой, – как-то встретились с Галкой на Манежной площади, она там работала недалеко. Я ее и уговорила сюда прийти... думала, отвлечется немного, развеется... ох, не в добрый час!

Наконец-то всем разрешили уйти. В небольшом помещении перед гардеробом скопилась толпа, и Надежда решила переждать давку.

В помощь гардеробщику вызвали официанта, и раздача верхней одежды шла довольно быстро. Посетители так пострадались, что одевались мгновенно: дамы не красили губы и не вертелись перед зеркалом, мужчины едва всовывали руки в рукава пальто и выскакивали на улицу.

– Ну, погуляли... – протянул бывший муж, снова оказавшийся рядом с Надеждой.

– Да уж...

– Пропустите меня, пропустите! – раздался противный голос, и мимо Надежды, ощутимо толкнув ее, протиснулась та самая шатенка в цветастом платье, для которой этот день стал днем наивысшего торжества. Как видно, она решила, что сегодня ей можно все.

Пахнуло слишком пряными духами, так что Надежда едва не чихнула. Однако от нее не укрылась паника, заплескавшаяся в глазах бывшего. Он дернулся и отпрянул за Надежду.

Шатенка без очереди получила норковый полушубок подозрительного рыжего цвета (кто сейчас такие носит?) и ушла, запахнувшись в него, как будто это была королевская горностаевая мантия. То есть ей так казалось, хотя на самом деле все выглядело довольно жалко.

– Ну, пора и нам. – Надежда заметила, что очередь поредела, но ее спутник не двигался с места.

– Ты что, ночевать тут собрался? – спросила Надежда, кивая на прощание Люсе и Димке Шапиро. Остальные уже ушли.

– Ну-у...

– Вот что, дорогой, – строго сказала Надежда, – я ведь не отстану, так что колись: что это с тобой? Отчего ты дергаешься, как заяц в поле, и трясешься, как мышь под веником.

– Тебе какое дело? – Бывший сделал попытку вырваться, но тут же понял, что ему это не удастся. Как-никак он тоже хорошо знал свою бывшую жену.

Тут подошла их очередь, он подал Надежде пальто и вышел вслед за ней.

– Черт, как скверно все вышло... – буркнул он. – Понимаешь, я эту бабу когда-то знал.

– Кого? Убитую блондинку?

– Да нет, ту, другую, которая ее нашла.

– Шатенку в жутких цветах? – изумилась Надежда.

– Ага. Понимаешь, когда-то я в одной фирме работал, ну, она там бухгалтером была...

– И у тебя с ней что-то такое было... – Надежда сообразила, что если бы это была просто знакомая, он бы так не боялся встречи.

– Да не с ней... ну, в общем, это неважно...

– А чего ты тогда так ее боишься?

– Потому что... там тогда ужасная история случилась, прямо криминальная, и дошло до моей жены...

– Что дошло – про твой роман с сослуживицей?

– И это тоже, но еще много всего...

– Так чего ты ее так боишься?

– Да ведь как все получилось-то: позвонила моей жене какая-то баба с работы. И вот я думаю, что это именно она была, – бывший кивнул в сторону, куда удалилась тетка в рыжем норковом полушубке. – Потому что она такая стерва... а мы с ней как раз накануне поскандалили сильно. В общем, мужу моей... ну, в общем, этой... тоже настучали. Со своей женой я как-то разобрался, а ту муж бросил.

– Любовницу твою?

– Да не любовницу! А так... ничего особенного у нас с ней и не было... – бывший отвернулся, – но развелись они, она потом мне звонила... в общем, нервов убил на это дело ужас сколько...

«Как от меня он гулял, так и от второй жены гуляет, – подумала Надежда сердито. – Ох, верно все-таки говорят, что горбатого могила исправит!»

Тут подъехало Надеждино такси, и бывшие супруги распрощались; кстати, довольно холодно.

Утро началось со звонка мужа. Так уж у них повелось: муж из командировки звонил каждый день. Кто-то может подумать: какие там новости? А им было интересно все узнать друг про друга, да и просто голос послушать. Надежда звонками никогда не манкировала, всегда радовалась и говорила, что скучает и с нетерпением ждет возвращения Сан Саныча. Так оно и было, но иногда неожиданно подворачивалось какое-нибудь расследование, которое требовалось держать в секрете, так что отсутствие мужа было весьма кстати.

Как уже говорилось, Сан Саныч криминальные расследования жены очень не одобрял, говорил, что это опасно и когда-нибудь кончится плохо. Так что Надежда тщательно следила, чтобы он ничего не заподозрил.

Это было нелегко, потому что муж был умным и проницательным, но не родился еще тот мужчина, которого жена не смогла бы обвести вокруг пальца и не задурила бы ему

голову. При надлежащем старании, конечно.

Сан Саныч поинтересовался, как прошла встреча институтских друзей, и Надежда замешкалась с ответом.

– Что-то не так? – тотчас отреагировал муж.

Надежда ответила, что все прошло хорошо, ресторан шикарный, кормили неплохо, и долго расписывала, какой Димка Шапиро стал крутой и преуспевающий. Про убийство неизвестной блондинки она, ясное дело, промолчала.

Потом позвонила Люся Симакова и сообщила бодрым голосом, что все устраивается как нельзя лучше: в ресторане администратором работает жена Лени Белугина, и она отвечает на все вопросы Надежды: муж так велел. Зовут ее Алина Сергеевна, и на месте она бывает часов с одиннадцати.

Надежда только вздохнула и стала собираться. Муж сказал, что надолго в Нижнем не задержится, так что расслаживаться было некогда, надо было успеть до его возвращения.

Уже возле двери ее настиг звонок Димы Шапиро.

– Надя, я в Москву уезжаю, деньги на карточку тебе перевел, через три дня вернусь, если что надо – обращайся. И не удивляйся, могу себе позволить...

Надежда проверила, поступили ли деньги, и слегка обалдела от суммы.

«И раньше Димка отличным парнем был, – подумала она, – сам в учебе соображал круто и никогда помочь не отказывался, девчонок дурами не считал, не заносился, презрительно не смотрел...»

Погода нынче стояла не то чтобы хорошая – когда это в нашем городе была настоящая зима? – но все же не было ни дождя, ни мокрого снега, и ветер не сбивал с ног. Во дворе Надежда очень удачно столкнулась с Вероникой Павловной, которая сразу уразумела суть и поинтересовалась только, в каких пределах возможна оплата. Надежда уверила, что деньги есть, вспомнив добром Димку, и Вероника Павловна обещала к вечеру решить вопрос с адвокатом.

Администратор ресторана по телефону ответила приветливо, но как только узнала, по какому вопросу обратилась Надежда, вся любезность куда-то испарилась, однако она согласилась отдать некоторые распоряжения.

От разговора с ней осталось неприятное впечатление, так что Надежде пришлось напомнить себе, что делает она это исключительно для того, чтобы помочь Галине, и доброе дело обязательно ей потом зачтется.

Надежда открыла тяжелую дверь ресторана и подошла к гардеробу.

Представительный гардеробщик – рослый, подтянутый, с бравой выправкой, роскошной серебряной шевелюрой и пышными, тщательно ухоженными седыми кавалерийскими усами – находился на своем боевом посту.

Надежда знала, что в приличных оперных театрах, а также в драматических театрах, имеющих долгую, еще с дореволюционных времен историю, нанимают капельдинерами бывших артистов. Они импозантно выглядят, умеют хорошо но-

сить одежду, в общем создают еще до начала спектакля соответствующий колорит, гармонируя с бархатной обивкой кресел и расписными пилястрами потолков.

Владельцы этого ресторана тоже позаботились о создании колорита – а конкретно обстановки помпезного советского ресторана пятидесятих годов прошлого века, в стилистике культового сериала «Место встречи изменить нельзя». И для полноты картины они наняли импозантного мужчину, должно быть, отставного военного. Был, правда, в этой картине один не предусмотренный хозяевами штришок – в те давние времена гардеробщики в дорогих ресторанах служили по совместительству в органах и докладывали своему начальству обо всем интересном и значительном, что происходило на вверенной им территории.

По раннему времени посетителей в ресторане было совсем немного, и гардеробщик отдыхал. В прежние, уже упомянутые времена он, скорее всего, читал бы газету (не «Правду», а непременно «Известия» или «Вечерку»), но на дворе давно стояло новое тысячелетие, так что в руке у гардеробщика был смартфон. В большом зеркале в резной золоченой раме отражалась спина гардеробщика, и Надежда заметила на темном пиджаке рыжие кошачьи волоски. На мгновение она испытала к гардеробщику родственные чувства – у нее самой дома обитал пушистый рыжий красавец Бейсик, но тут же их отбросила: то, что у человека есть рыжий кот, еще не делает его добродетельным.

Надежда негромко кашлянула, чтобы привлечь внимание гардеробщика. Он неспешно, без суеты убрал телефон в карман и строго оглядел Надежду.

– Я вас слушаю! – проговорил он доверительным баритоном, каким католические священники или врачи-психологи с большим опытом предлагают начать исповедь.

– Это я вас послушала бы! – отбила Надежда пас гардеробщика. – С вами ведь говорила Алина Сергеевна, предупредила... пожалуйста, расскажите мне, что вы видели вчера вечером.

В глазах гардеробщика что-то изменилось, он приглушил вальяжную самоуверенность и изобразил почтительную, глуповатую готовность к сотрудничеству.

– Да-да, конечно... Алина Сергеевна говорила, что вы можете задать мне несколько вопросов... но только я вчера почти ничего не видел... вы же понимаете, такое место... гардероб, он на отшибе... отсюда ничего не видно...

– Так... вы меня, видимо, неправильно поняли. Вас, извините, как зовут?

– Арсений, – доверительно сообщил отставник.

– Арсений... а по отчеству?

– Арсений Аристархович! – гардеробщик слегка зарделся.

Видимо, он немного стеснялся своего вычурного отчества, но в то же время и гордился им, почти как усами.

– Арсений Аристархович, вы в каком чине вышли в отставку? Подполковника?

– Майора, – скромно потупился отставник.

– Ясно. Значит, должны понимать, с кем имеете дело. И лапшу мне на уши не вешайте.

Надежда решила сразу поставить его на место.

Отставник быстро и опасливо взглянул на Надежду, оценив ее намек, и встал по стойке «смирно».

– Так вот, давайте начнем сначала. Будем считать, что я только что подошла и начала задавать вам вопросы. Арсений Аристархович, что вы видели вчера вечером?

Гардеробщик задумался и левой рукой принялся машинально подкручивать усы.

Надежда решила задать наводящий вопрос и уточнила:

– Начнем вот с чего. Та женщина, которую вчера убили, с кем она пришла?

– Одна, – не задумываясь, выпалил гардеробщик.

– Вы уверены?

Гардеробщик чуть заметно улыбнулся, при этом кончики его усов приподнялись, как у кота при виде сметаны.

– Уж ежели я в чем уверен, так в этом... если, извиняюсь, парочка приходит – так они разоблачаются совместно. Кавалер иногда даме помогает. Ежели, конечно, воспитанный. Это потом они могут разойтись, а тут непременно...

Тут гардеробщик запнулся и потерял нить разговора. В глазах его промелькнуло беспокойство. При этом смотрел он на что-то или на кого-то за спиной Надежды.

Надежда Николаевна, разумеется, не стала вертеть голо-

вой, а украдкой взглянула в большое зеркало за спиной гардеробщика, в котором отражалась входная дверь ресторана: помпезная, как и все здесь, из поддельного красного дерева, со вставками цветного стекла и латунной, ослепительно сверкающей ручкой. В данную минуту дверь слегка приоткрылась, а в образовавшуюся щель заглянул человек с густыми темными бровями. Брови эти были вопросительно подняты, а взгляд незнакомца был направлен, несомненно, на Арсения Аристарховича.

Благодаря зеркалу Надежда одновременно могла видеть и спину гардеробщика, и его лицо, в частности глаза. И этими глазами он подавал бровастому незнакомцу предупреждающие знаки. Вроде красного сигнала светофора. Тот эти знаки уверенно прочитал, верно расшифровал и тут же испарился, тихонько затворив за собой ресторанный дверь.

Надежда прищурилась. Где-то совсем недавно она видела это лицо, эти густые темные брови... Она уже почти вспомнила, где именно, но тут гардеробщик сбил ее с мысли.

– Значит, – поспешно продолжил он свою речь, – значит, я вам точно говорю – одна была эта дамочка! Совсем одна!

– Одна? – недоверчиво переспросила Надежда. – Разве приличные женщины ходят вечером в ресторан одни, без спутника?

– Это конечно, – согласился гардеробщик, незаметно покосившись на дверь. – Ну, так она же не одна была в ресторане...

– Извините, не понимаю, – фыркнула Надежда. – То вы говорите, что одна, то – что не одна...

– Как вы меня спрашиваете, так я вам и отвечаю! Вы меня спросили, с кем она пришла? Пришла она одна, без спутника, а здесь уже пошла к своим...

– К каким это – своим?

– Она меня сразу спросила: где отмечают юбилей Котовича, я ей и сказал: в зеленом, значит, зале. Она туда и пошла. Значит, к Котовичу на юбилей...

– К Котовичу? – переспросила Надежда Николаевна. – Это кто же такой – Котович?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Должно быть, бизнесмен какой-нибудь или кто-то в этом роде. Только у нас на эту фамилию был зарезервирован зеленый зал.

Гардеробщик отвечал как-то сбивчиво, рассеянно и то и дело косился на дверь. Надежда прекратила расспросы, достала телефон и набрала номер Алины.

Та ответила сразу, но ждала явно не Надежду.

– Ах, это вы...

– Да, Алина Сергеевна. Я хотела с вами поговорить...

– Ох, мне сейчас нужно с одним срочным заказом разобраться. Это займет примерно полчаса. Извините... может, вы пока поедите? Я распоряджусь, чтобы вас обслужили, бесплатно, разумеется...

– Ну, если только кофе...

Надежда нажала на телефоне несколько кнопок, сунула

телефон в карман пальто и снова перевела взгляд на гардеробщика, который нетерпеливо поглядывал то на нее, то на дверь.

Надежда сняла пальто, протянула его отставнику, взяла номерок и прошла в бар. Там она расположилась так, чтобы видеть входную дверь ресторана, и заказала чашку капучино. Официантка предложила ей меню десертов, но Надежда, тяжело вздохнув, мужественно отказалась.

Через несколько минут ресторанный вход открылся, и в нее, воровато оглядываясь, проскользнул высокий темноволосый мужчина с густыми бровями.

В эту секунду Надежда вспомнила, где его видела.

По ее просьбе все участники злополучной встречи выпускников должны были прислать ей фотографии, сделанные в тот вечер. Спасибо Люське – она расстаралась и всех обзвонила, уж очень хотела помочь. Кое-кто отреагировал быстро, и фотографии стали приходить, когда Надежда ехала в ресторан. На одном из снимков и промелькнуло это самое лицо – темные волосы, густые брови, похожие на двух жирных гусениц...

Бровастый тип пробыл в ресторане недолго – минут через пять он уже выскользнул обратно.

Надежда допила кофе, вышла в холл перед гардеробом и протянула Арсению Аристарховичу номерок.

– Как? Уже уходите? – тот изобразил вежливое сожаление.

– Я еще вернусь, – пообещала Надежда.

Выйдя на улицу, она огляделась по сторонам и, не увидев никого подозрительного, достала из кармана телефон.

Прежде чем сдать пальто гардеробщику, она включила на телефоне аудиозапись и теперь собиралась ее прослушать.

Первую минуту ничего не было слышно, затем раздался негромкий скрип открывшейся двери и быстрые шаги. Наконец прозвучал приглушенный голос гардеробщика:

– Я тебе говорил – не приходи пока! Тут сейчас опасно! Сам знаешь, что тут случилось.

В ответ раздался другой голос – тихий и слегка заикающийся:

– Да оч-чень нужно... я п-проверил – ментов нет...

– Ментов-то нет, но тут какая-то женщина разнюхивает – может, она еще хуже ментов.

– Ч-что за женщина?

– А я знаю? Управляющая велела ей рассказать все, что я видел. А ее попробуй не послушайся...

– Все?! – в голосе незнакомца прозвучал испуг.

– Ну, ты не волнуйся. Само собой, про наши дела я ей рассказывать не собираюсь. Я себе не враг. Так ты говори – чего пришел? Я ведь уже сделал, что ты просил.

– С-сделал... только там что-то не сработало. То ли сломалось, то ли что. Так что нужно повторить.

– Повтори-ить? – недовольно протянул гардеробщик. – Об этом уговора не было...

– Не было – значит, будет!

– Ну, сам понимаешь – больше работы, больше денег. Рыночные отношения. Тем более обстоятельства изменились. Мне за риск премия положена.

– Будет тебе премия! Только сначала дело сделай. Вот держи, сделаешь, как прошлый раз.

– Да как же я сделаю? А если он не придет?

– Должен прийти! Он ведь на ланч к вам все время ходит!

– Ну, ходит, а теперь, может, не будет ходить, раз такая петрушка вчера получилась...

– Не каркай!

Снова раздались быстрые шаги, на этот раз удаляющиеся, и наступила тишина.

Надежда еще раз огляделась и прямо у себя над головой заметила ритмично мигающий глазок видеокамеры.

Она снова набрала номер Алины. Та уже освободилась и пригласила Надежду к себе.

При ее появлении в ресторане лицо гардеробщика вытянулась. Надежда приветливо ему улыбнулась, протянула пальто и направилась в кабинет Алины.

Управляющая приподнялась ей навстречу.

– Простите, что заставила вас ждать – сами понимаете, дела... работа напряженная... – сухо заметила она.

«Ага, а я здесь, значит, груши околачиваю!» – промелькнула у Надежды мысль.

– Я вам чем-то могу помочь?

«Вообще-то это я вызвалась вам помочь... вернее, замутила всю историю Люська...» – подумала Надежда, но вслух сказала другое:

– Я видела у вас над входом видеокамеру...

– Ну да, там же стоянка для клиентов. Мало ли что случится, потом разбираться легче.

– Я хотела бы просмотреть записи с этой камеры. Вы ведь их храните?

– Ну да, конечно... я попрошу Вадима вам показать. – Управляющая сняла трубку старомодного телефонного аппарата без диска и проговорила: – Вадик, зайди ко мне!

В ответ что-то неразборчиво пробормотали, и Алина едва заметно поморщилась.

– Ну никто не хочет работать. Он, видите ли, занят и будет только минут через двадцать! Работу потерять не боится, знает прекрасно, что я его уволить не могу – специалист хороший, всю технику отлично знает! Сейчас официанта хорошего и то не сразу найдешь.

– Ну... вы, я так понимаю, тоже работу потерять не боитесь... – не удержалась Надежда и тут же опомнилась: – Простите, это, конечно, не мое дело... Но зачем вам вся эта нервотрепка? Сидели бы дома, при таком-то муже обеспеченном.

– Как вы? – прищурилась Алина, и Надежда скрипнула зубами – Люська все про нее разболтала.

Она посмотрела на свою визави и улыбнулась.

В принципе, Алина ей нравилась. Люська говорила, что она вторая жена Белугина, а первую Надежда и не знала совсем, так что сейчас им с Алиной вроде бы и делить нечего. Алина была моложе лет на десять и выглядела вполне себе ничего. Лишнего веса не наблюдалось – видно, что следит за собой, но не было этого нарочитого лоска, когда сразу становилось ясно, что женщина только на себе, любимой, и сосредоточена, больше ничем не занимается. Ну, тут все понятно, работа много времени отнимает.

– Вам тоже скучно дома? – осмелилась спросить Надежда после небольшой паузы.

– Детей у меня нет, муж с утра до вечера на работе, приходит совсем никакой, даже разговаривать со мной иногда не может. Язык, говорит, не ворочается...

– Да, бизнес – дело тяжелое.

– А я тут буду к нему с разговорами да всякими проблемами лезть... Только на хамство нарвешься...

– Понимаю.

Алина посмотрела на нее и уверилась, что Надежда говорит вполне искренне, что не завидует и не злорадствует.

– А так я хоть на работе его вижу...

– Ну, раз так, то правильное решение приняли насчет работы.

Алина взглянула на часы и поморщилась:

– Ну ни за что не придет вовремя! Может, пока кофе?

– Да напилась уже! – брякнула Надежда и, тоже взглянув

на часы, рассердилась. Чего она тут валандается, время впустую тратит, дома дел невпроворот!

– Кстати, кофе ваш парень варит так себе... – не утерпела она.

– Да я знаю. Тогда чаю с булочками? У нас выпечка хорошая.

Булочки и правда оказались выше всяческих похвал. Проклиная свою слабохарактерность, Надежда съела две штуки. И запила все это сладким чаем. Ужас какой!

Технически грамотный Вадик все не шел, и понемногу между женщинами установились вполне дружеские отношения. Ну, или, по крайней мере, приятельные.

– Скажите, Алина, а вот этот Котович, который юбилей справлял... вы его хорошо знаете?

– Ну да, он наш постоянный клиент. Фирма у него, называется «Проминвест», и офис неподалеку. Он к нам на ланч часто приходит, потому и юбилей здесь отмечал – как постоянному клиенту мы ему скидку приличную сделали.

– Значит, вы и сотрудников его знаете? – осторожно поинтересовалась Надежда.

– Нет, сотрудники сюда не ходят, у нас для них дорого, – усмехнулась Алина. – Говорила я Леониду, чтобы сделал не такой шикарный ресторан, а что-то попроще, а он уперся, ни в какую. «Ты еще, – кричал, – предложи мне открыть предприятие быстрого питания! Мне не нужно, чтобы студенты и школьники тут целыми днями паслись и бомжи грелись!

Хочу, чтобы все пристойно было, красиво и дорого, тогда приличные люди ходить станут».

– Ну и как? – улыбнулась Надежда. – Ходят? – И тут же опомнилась: – Простите, что это я... Бизнес – не мое дело...

– Да ладно, – Алина вздохнула, – идут дела потихоньку... Вот, юбилеи, встречи старых друзей...

Последние слова она произнесла сквозь зубы, чуть ли не с ненавистью.

– Что, не понравилась вам наша компания? – напряглась Надежда. – Неужели вы действительно верите, что Галина и правда ту женщину из ревности убила?

– Да мне дела нет, убила или не убила! – вдруг выкрикнула Алина. – Вот уже где у меня эти подруги юности!

Память у Надежды всегда была хорошая, просто сейчас голова работала не в том направлении, иначе она давно сообразила бы кое-что. Точнее, вспомнила.

Была у них в институте одна признанная красавица. На первом курсе вчерашние школьники, несколько обалдевшие от экзаменов и другой, взрослой, как они думали, жизни, выглядели так себе. А эта, рано похорошевшая, видно, еще в школе все про себя поняла. Да тут особого ума и не надо было – в зеркало посмотри и все поймешь. И развилась у этой красавицы некоторая мания величия. Ее подружка, с которой они рассорились на втором курсе, рассказывала девчонкам, что в школе творилось что-то невообразимое. Говоря словами из старого фильма, мальчишки при виде красотишки

все как один падали и сами собой в штабеля укладывались. Примерно в таком духе. Так что красавица и в институте держалась как королева, а это, как известно, половина успеха.

Она и вправду была хороша – глаза большие, носик прямой, точеный, на губах играет загадочная улыбка. Голос тихий, говорила всегда мало, так что хотелось наклониться ближе и прислушаться. Не Надежде, конечно, боже упаси, а личностям мужского пола.

Надежда с красоткой мало общалась – интересы были разные. Одевалась та очень хорошо, что в те годы стоило больших трудов и денег. Говорили, что родители у нее были с возможностями. А у Надежды папа – инженер, мама – простой преподаватель. Ни денег, ни связей особенных не имели, так что с одеждой мама выкручивалась, как могла. А могла она немногое. Шить-вязать не умела, но в магазине очереди отстаивала, хотя очень это дело не любила. Так что лет с пятнадцати Надежда вязала жилетки да свитера. И с тех пор возненавидела вязаные шапочки, хотя сейчас они снова вошли в моду. Даже сегодня, как вспомнит ту, в полосочку и с помпоном, что на первом курсе носила, и красоткину из чернубурки, так и расстраивается, хотя и понимает, что это глупо.

Крутились вокруг красоты многие, только после первого курса кое-кто отпал – опять-таки интересы стали несколько иными, да и девчонки некоторые подросли и похорошели. На втором курсе среди всей пестрой свиты явственно выделялся

Леня Белугин, но потом и он куда-то делся. А на третьем красотка вышла замуж за парня постарше, никто его толком не знал, и на свадьбу никого из институтских не позвали.

– Так ты про Ольгу, что ли? – Надежда сама не заметила, как перешла на ты.

– Черт, как мне все надоело!

Очевидно, у Алины накипело, потому что слова посыпались из нее, как греча из мешка.

– Представляешь, все ее вспоминает. И мне рассказывает, как он ее любил! Стихи ей писал, под окнами стоял, с крыши хотел броситься, когда она замуж вышла!

– Вот как! – удивилась Надежда. – А с виду такой спокойный, толковый мужчина, собственный бизнес вот создал.

Хотя... может, в бизнесе он и соображает, а так... Это же надо додуматься – жене такое рассказывать! Нет бы промолчать... Впрочем, все мужики в этом смысле идиоты, ничего у них не держится.

– Кстати... – Надежда оживилась, – по моим наблюдениям так получается: если он тебе про это рассказывает, стало быть, все прошло. Потому что, если бы не прошло, он бы все в себе держал, воспоминания берег, стишата свои перечитывал...

– Ты думаешь? – Алина смотрела с надеждой.

– Точно знаю! А еще... вот ты знаешь, почему она на встречу не пришла? Ведь Люся ей звонила, приглашала, про ресторан рассказывала, который Леня открыл.

– И почему же? Я и то удивилась...

– А тут все просто. Ведь пришли те, кто в жизни хоть чего-то достиг. Ну вот твой муж, Димка Шапиро, Ирка Левашова за каким-то там крутым перцем замужем, у Ивана своя фирма крупная и так далее. Улавливаешь? Ну, еще мы с Люськой, она очень общительная, а я...

– А ты просто хорошая, невредная, никому не завидуешь, ко всем хорошо относишься, – с улыбкой закончила Алина. – Это мой муж так говорит.

– Ну, спасибо на добром слове, – растрогалась Надежда. – Я тебе тоже приятное скажу. Эта самая Ольга три раза замужем была, со всеми мужьями развелась и теперь живет с сыном. Работает в какой-то зачуханной фирмочке и жутко растолстела!

– Да ну? – Алина взвизгнула от восторга. – Точно?

– Сведения верные, от Люськи. И вот, вместо того чтобы взять себя в руки и похудеть, она сказала, что ни на какие встречи старых друзей не ходит, потому что ничего хорошего во время учебы у нее не было... в общем, ерунду какую-то несла.

– Ну, ты меня обрадовала! Теперь хорошо бы подстроить так, чтобы Ленька ее своими глазами увидел, – сразу вся любовь пройдет!

– А вот этого не надо, – серьезно сказала Надежда. – Он ее увидит, расстроится, поймет, каким дураком был все это время, и тебе же еще и достанется. Потому что жена всегда

виновата, что бы ни случилось. Кого ему еще винить-то, на ком злость сорвать? Что идиотом был, он ведь ни за что не признается даже себе! Так что очень советую тебе помалкивать. Даже можешь проявлять сочувствие, для виду...

– Точно. Умная ты, Надя, не зря тебя мой муж так уважает.

Тут Надежда осознала, что занимается обычной бабской трепотней, вместо того чтобы выяснить хоть что-то про убийство блондинки. Галка в камере мается, а она чай распивает и сплетни старые пересказывает. Нехорошо!

Наконец открылась дверь и на пороге появился технически грамотный Вадик. Был он не то чтобы толстый, но какой-то пухлый, с круглой головой, темные волосы плотно прилегали к черепу и были похожи на короткую шерсть. А сам Вадик напоминал медвежонка. Не настоящего – плюшевого. Снять очки, надеть клетчатые штаны на одной лямке – вылитый Винни-Пух.

Алина велела ему оказывать Надежде всяческое содействие и отпустила обоих мановением руки.

– Вот здесь у меня вся техника, в этой кладовочке... Я себе здесь оборудовал рабочее место.

Вадик открыл дверь и пропустил Надежду вперед. Кладовка была настолько мала, что Надежда с трудом в нее протиснулась, но еще и под завязку оказалась набита всевозможной техникой – мониторами, компьютерами, осциллографами, источниками питания и вовсе непонятными приборами.

Вся эта техника мигала, пищала и пульсировала, как лампочки на новогодней елке. Надежда Николаевна вспомнила те годы, которые провела в научно-исследовательском институте.

– Это похоже не на кладовку при ресторане, а на секретную лабораторию или даже на пульт управления космического корабля! – проговорила она льстивым голосом.

– Ну, уж вы скажете! – отозвался Вадик, протискиваясь вслед за Надеждой в свой «кабинет».

– А вообще, Вадим, зачем вам так много техники? Только для наблюдения за входом в ресторан?

– Ну, не только... я тут вообще-то кое-какие собственные идеи обдумываю... стартап хочу создать... только вы Алине Сергеевне не говорите, ладно?

– Что за вопрос!

– Вот, вы хотели посмотреть записи с видеокамеры перед входом... – Вадим включил один из мониторов.

На экране появилось черно-белое изображение стоянки перед входом в ресторан и пяточка перед самой дверью.

– Вам, я так понимаю, нужна вчерашняя запись, начиная где-то с пяти вечера, когда начали подходить гости?

– На всякий случай пораньше.

Сначала на экране почти ничего не происходило, только время от времени мелькали случайные прохожие. Запись шла в ускоренном темпе, и люди двигались быстро, рывками. Это выглядело комично, особенно когда мимо рестора-

на прошел крупный мужчина с крошечным терьером на поводке.

Наконец начали появляться посетители ресторана, и Надежда попросила Вадима уменьшить скорость просмотра.

Одна за другой подъезжали машины, из которых выходили нарядные люди. Кто-то приехал на такси, кто-то – на своей машине, кто-то подошел пешком от станции метро.

Надежда узнала институтских знакомых. Вот появилась сама Надежда, вот пришли Сизовы... Галя держит Виктора за локоть и что-то ему говорит. Видимо, просит держать себя в руках... Вот она поправила шарф на шее Виктора... Надежда прочитала на лице Галины искреннюю заботу о муже... Нет, невозможно, чтобы она через час в припадке ревности разбила ему голову! Пришли они пешком, стало быть, приехали на метро или на маршрутке. Ну да, Витьке в его состоянии за руль небось нельзя. А Галка, интересно, водит? Надо будет у Люси спросить.

Вот подъехало очередное такси, из него вышла высокая стройная блондинка.

– Остановите! – проговорила Надежда.

Вадим нажал на паузу.

Надежда всмотрелась в изображение на экране. Да, это, несомненно, та самая женщина, которую убили. Пальто хорошее, дорогое, расстегнуто, из-под него виднеется платье персикового цвета.

– Можно продолжить...

Один за другим к ресторану подходили и подъезжали люди. Вот среди них снова мелькнуло знакомое лицо...

– Остановите!

Надежда взгляделась.

Высокий темноволосый мужчина с густыми бровями, похожими на гусениц. Ну да, он был вчера в ресторане, Надежда видела его на фотографиях. А сегодня снова пришел, и у него была подозрительная беседа с гардеробщиком.

– Можно вернуться? – попросила Надежда Вадима. – На пару минут...

– Да ради бога...

Он вернул изображение назад, и Надежда увидела, как на стоянку въехала темная машина, из которой появился тот самый бровастый тип.

– Остановите!

На застывшем кадре Надежда Николаевна смогла разглядеть номер автомобиля.

Она и сама не знала, почему ее интересует этот человек. Казалось бы, он не имеет отношения к убийству. Тем не менее Надежда повернулась к Вадиму и спросила:

– А можно как-нибудь пробить этот автомобильный номер по базе данных? Узнать, кому он принадлежит?

– Если нужно – пробьем, нет вопросов!

Вадим молниеносно пробежал пальцами по клавиатуре компьютера, открыл какой-то сайт, еще один, повозился несколько минут и сообщил:

– Эта машина зарегистрирована на фирму «Антарес».

– Чем эта фирма занимается?

– Минутку...

Вадим снова деловито застучал по клавиатуре и очень скоро доложил:

– Поставки медицинской техники. Томографы, аппараты для ультразвукового исследования и прочее. Подробности нужны?

– Да нет, наверное. Я в этом все равно не слишком хорошо разбираюсь. Давайте смотреть дальше...

На экране снова замелькали машины и люди, с каждой минутой их становилось все больше.

Вот подъехала большая представительная машина, из которой вышел квадратный, коротко стриженный мужчина в модном пальто и уверенно зашагал к двери ресторана.

Его лицо показалось Надежде знакомым.

– Кто это, вы случайно не знаете?

– Почему не знаю? Знаю... это Котович, бизнесмен, он наш постоянный клиент.

– Котович! – повторила Надежда за Вадимом. – Ну да, мне Алина про него говорила.

– Он почти каждый день у нас обедает, а вчера отмечал день рождения... то есть юбилей. Алина Сергеевна ему как особому клиенту сделала большую скидку.

– А вам откуда это известно?

– Да Котович мужик прижимистый, они так громко это

обсуждали, что весь персонал был в курсе!

Надежда вспомнила конфиденциальный разговор гардеробщика с бровастым типом.

«Он сюда каждый день на ланч ходит...»

Уж не о Котовиче ли они говорили?

– Вы говорите, он у вас каждый день обедает?

– Ну, или почти каждый.

– А в какое время?

– Да вот же он как раз приехал! – Вадим показал на другой монитор, куда поступало изображение с камеры.

Действительно, на стоянку подъехала та же большая представительная машина, из которой выбрался квадратный человек в стильном пальто и направился к двери ресторана. Очевидно, господин Котович был либо очень в себе уверен, либо и правда жадноват, если не сменил ресторан. Не испугало его вчерашнее убийство.

– Пойду-ка я с ним поговорю... – протянула Надежда.

– Я не возражаю! – усмехнулся Вадим, вспомнив известный анекдот.

Надежда направилась было в общий зал ресторана, однако в голове роились сомнения. Станет ли такой бывалый и опытный бизнесмен, как господин Котович, откровенничать с неизвестной женщиной? Не пошлет ли он ее куда подальше?

И тут у нее мелькнула плодотворная дебютная идея.

Надежда повернулась к Вадиму и спросила:

– А нет ли у вас такой специальной штуки, которая находит спрятанные жучки и прочие скрытые электронные устройства? Я такие в кино видела.

– Почему же нет? – Вадим усмехнулся. – Для хорошего дела у меня много чего найдется.

– Тогда я вас вот еще о чем попрошу...

Надежда подошла к гардеробу и озабоченно проговорила:

– Алина Сергеевна просила вас срочно подойти.

– Меня? – удивленно переспросил отставник. – А зачем я ей понадобился?

– Вот чего не знаю, того не знаю. А только она очень, очень сердита. Прямо рвет и мечет.

– Ладно, схожу... А вы пока тут побудете, приглядите за вещичками?

– Не вопрос!

Едва гардеробщик скрылся в служебном коридоре, из-за угла появился Вадим. В руках у него был небольшой прибор в темном металлическом корпусе. Вадим зашел в гардероб, включил свой прибор и повел им из стороны в сторону. На панели прибора замигала красная лампочка.

Вадим прошел с прибором вдоль вешалки, следя за его поведением. Около модного кашемирового пальто лампочка на панели замигала особенно сильно.

– Это ведь пальто Котовича? – проговорила Надежда скорее утвердительно, чем вопросительным тоном.

– Ну да...

– Что и требовалось доказать!

Оставив Вадима в гардеробе, она направилась в зал ресторана и подошла к столику, за которым хмурый квадратный человек просматривал какие-то бумаги в ожидании своего заказа.

– Господин Котович?

– Да, это я, – мужчина поднял на нее глаза, оторвавшись от бумаг. – А вы, простите, кто? Мы с вами, кажется, где-то встречались? Ваше лицо мне кажется знакомым.

– У вас хорошая память на лица. Мы с вами встречались в этом ресторане в день вашего юбилея. То есть вчера.

– И чего вы от меня хотите? – он еще больше нахмурился.

– Я хочу вам кое-что показать. Это не займет много времени.

Что-то в голосе Надежды Николаевны или в выражении ее лица показалось Котовичу убедительным. Он не стал больше задавать никаких вопросов, встал из-за стола и прошел за ней в гардероб. Там их ждал Вадим со своим замечательным прибором. Вадим поднес прибор к кашемировому пальто.

– Ваше пальто?

– Мое.

Вадим нажал кнопку, и лампочка снова замигала.

– Знаете, что это значит?

– Догадываюсь.

– Загляните за лацкан! – посоветовала Надежда.

Котович отвернул лацкан пальто и увидел там маленький

пластиковый кругляшок не больше пуговицы.

– Кто это установил?

– В деле определенно замешан здешний гардеробщик. Это он прикрепил жучок к вашему пальто, а кто его нанял – мы вам сейчас покажем...

Надежда привела Котовича в «кабинет» Вадима и показала ему на экране человека с густыми темными бровями.

– Вот этот человек сговорился со здешним гардеробщиком. Он вам знаком?

– Нет, первый раз вижу.

– Значит, настоящий профессионал, хорошо работает, не попадаетея вам на глаза. Его машина зарегистрирована на фирму «Антарес». Это название вам что-нибудь говорит?

– Еще бы! Мои главные конкуренты. Теперь понятно, какую игру они ведут... Я сейчас провожу очень важные переговоры, от исхода которых многое зависит, и конкуренты хотят разнюхать, где я бываю и с кем разговариваю. Для этого и установили жучок, чтобы засечь все мои передвижения. Ну надо же... – Котович немного подумал и сказал: – Вот что. Прошу вас, ничего не говорите гардеробщику, пусть он думает, что его не раскусили. Я воспользуюсь своим преимуществом и разыграю собственную игру. Знаете поговорку «Предупрежден – значит, вооружен»?

– Еще бы.

– Спасибо, вы мне очень помогли... Кстати, – в глазах Котовича вспыхнуло подозрение, – кто вы такая и какой ваш

собственный интерес в этом деле? Есть ведь и такая поговорка: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Вы ведь не состоите в штате ресторана... – тут он мотнул головой в сторону Вадима.

А тот, вот интересно, сделал самое глупое лицо и даже, казалось, уменьшился в габаритах.

– Вы, конечно, правы. Дело в том, что я расследую убийство, которое произошло в этом ресторане вчера.

– Вы? – Котович недоверчиво взглянул на Надежду. – Вы совсем не похожи на сотрудника полиции!

– Я и не имею к полиции никакого отношения! – Надежда усмехнулась. – Я этим занимаюсь в частном порядке.

– Вы – частный детектив? Как интересно! – в голосе Котовича Надежда уловила малую толику насмешки, но решила не обращать внимания.

– Ну да, что-то в этом роде. И я хочу, чтобы вы мне рассказали об убитой женщине. Ведь она пришла на ваш юбилей, стало быть, вы с ней как-то связаны.

– Я? – удивился Котович. – Да я в жизни ее не видел!

– Но ведь она была у вас...

– Ну да, – он перебил Надежду, – вроде бы была. Интересная женщина, трудно ее не заметить. Но, знаете, народу столько собралось! Очевидно, она пришла с кем-то, а с кем – я понятия не имею.

Надежда вспомнила, как гардеробщик утверждал, что убитая блондинка пришла одна. Ну, возможно, договори-

лась встретиться со своим спутником прямо тут, в ресторане. Хоть и не принято так делать, но, может, какие-нибудь особые обстоятельства были...

– Знаете что? – Котович нетерпеливо посмотрел на часы. – Поговорите с моей помощницей, она занималась приготовлениями к юбилею и должна знать всех приглашенных. Ее зовут Юлия Борисовна, вот телефон, а я, со своей стороны, распоряжусь, чтобы она оказала вам всяческое содействие.

Тут господину Котовичу принесли ланч, и Надежда сочла их беседу законченной.

На следующий день позвонил адвокат, которого нашла Вероника Павловна, сказал, что приступает к делу и вечером сообщит, как там и что. А Надежда решила навестить в больнице Виктора Сизова. Авось он пришел в сознание и сумеет кое-что объяснить. Может, хоть вспомнит, кто его по голове приложил.

В справочной ей ответили, что состояние больного удовлетворительное и посещения разрешены. Надежда купила килограмм мандаринов и пачку печенья и решила, что этого хватит. Все-таки не с пустыми же руками в больницу идти...

Виктор лежал в палате на шесть человек, и все кровати оказались заняты. Было, как водится, душновато и шумно, да и пахло больными и не сильно чистыми мужиками.

Надежда огляделась и увидела Виктора в самом углу. Она узнала его с трудом, потому что голова Сизова была забин-

тована. Ну да, его же прилично приложили, крови было много... Зашивали небось... Рядом с его кроватью на стуле сидела женщина.

– Дама, вы конкретно к кому? – спросил отиравшийся возле двери неказистый мужичок в поношенном спортивном костюме и с перевязанной головой.

– Да я вон, к Сизову, – Надежда потопталась на месте, пытаюсь сообразить, кто эта женщина. Неужели Галина не в курсе, и Витька успел завести даму сердца?

– А вы не супруга его конкретно будете? – Перевязанный мужичок с интересом переводил глаза с нее на другую посетительницу в предвкушении скандала.

И то сказать, в больнице какие развлечения? Телевизор в холле всего две программы показывает, и то заотделением распорядился, чтобы только вечером его включали, перед ужином. Больные тут, сказал, и так головой ушибленные, а телевизор лечению не способствует, там тоже все очень нервные.

Курить теперь в отделении не разрешали, нужно было на улицу выходить. А там холодно, долго не прстоишь.

И тут вдруг такое развлечение: пришли к соседу по палате сразу две бабы. Которая жена, которая любовница – сразу не разберешь, да ему и без разницы, все равно друг другу волосы выдирать станут. Ну, пойдет сейчас потеха!

Однако его ожидания не оправдались, поскольку бабенка, сидящая возле кровати Сизова, тихонько встала и молча вы-

шла из палаты. И эта новая, которая только что пришла, ничего ей не сказала, даже не обозвала никак.

Надежда села на тот же стул и сочувственно посмотрела на Виктора. Нижняя часть его лица была желтоватого цвета, под глазами залегли глубокие темные полукружья, но сами глаза смотрели вполне ясно, не было в них болезненной пелены.

– Здравствуй, Надя... – проговорил Виктор несколько неуверенно. – А ты как здесь?

– Вот, пришла тебя навестить, – радостным голосом ответила Надежда, краем глаза отметив, что мужичок у двери внимательно смотрит и прислушивается.

– Вижу, что в сознание пришел, – продолжила Надежда, – стало быть, тебе лучше, а голова заживет. Ну, тогда поговорим! – Она запихнула в тумбочку мандарины и печенье, заметив, что больше в ней ничего нет, – ни чашки, ни заварки, ни сахару даже. Ну правильно, кто ему принесет-то? Жену ведь арестовали.

– О чем поговорим? – слабо удивился Виктор. – Ты вообще как узнала, что я в больнице?

– Тебя же вчера увезли, сказали – куда, – в свою очередь удивилась Надежда.

– Я не помню, – он опустил голову. – Понимаешь, ничего не помню, что вчера было.

– Доктор что говорит?

– Сказал, что пока ничего не ясно и вообще велел не вол-

новаться. Мозг, сказал, очень сложная штука. Вот Галка придет – пускай сама с ним поговорит.

– Та-ак... – протянула Надежда напряженным голосом. – И когда она, по-твоему, придет?

– Не знаю, – с досадой сказал Виктор. – У меня телефон разрядился, а наизусть номер не помню. Забыл, понимаешь, все номера. Прямо беда с памятью...

– А что вообще помнишь? Как вы с ней в ресторан пришли – это ты помнишь? Ребятам институтских помнишь? Димку Шапиро, Люсю, Леню Белугина...

– Ребятам, конечно, помню, мы же учились вместе. Тебя вот сразу узнал, хоть и не виделись мы... сколько лет, Надя? Десять или больше? Больше, наверное...

– Да мы же вчера виделись! В ресторане!

– Быть не может! Ну, не помню я ничего! Вот сейчас тебя увидел... ну, изменилась ты, конечно, за столько лет, но узнать можно.

– И на том спасибо. Все-таки давай проясним ситуацию. Вот какое твоё последнее воспоминание?

– Помню, что на работе плохо себя почувствовал, голова сильно закружилась, вроде как пол приближается – и дальше все, полный провал.

– На работе, говоришь? Это когда тебя инсульт хватил... – протянула Надежда. – Да это же год назад было! И как в больнице лежал, не помнишь? И на реабилитации? И как жена тебя выхаживала, тоже не помнишь? Совсем ничего не пом-

нишь?

Виктор удрученно мотал головой.

– А это что за женщина приходила, вот передо мной?

– Эта? Соседка вроде... – неуверенно сказал Виктор. – Так, проведать... Мне, понимаешь, неудобно, что я ее не помню совсем...

– Соседка?

Надежда вспомнила, что тумбочка у Виктора совершенно пустая. Когда в больницу идут, все-таки хоть что-то несут – хоть яблок килограмм, хоть бананов гроздь, хоть печенье. Все знают, как у нас в больницах кормят.

– Вот что, Витя, – Надежда придвинулась ближе, краем глаза заметив, что настырный мужичок с перевязанной головой ушел в коридор, не дождавшись ничего интересного, – давай соберись, возьми себя в руки и слушай меня внимательно. И напрягись. Может, все-таки вспомнишь кое-что.

Она вполголоса поведала ему все, что случилось вчера в ресторане. Виктор слушал, изумленно вытаращив глаза. Хорошо хоть, не перебивал, не махал руками и не упрекал Надежду во лжи.

– Ну? – Она перевела дух. – Вспомнил теперь?

– Вот как будто в книжке все прочитал. Или фильм посмотрел. Интересно, конечно... – он развел руками.

– Интересно ему, – рассвирепела Надежда. – А тебе интересно, что жена в камере сидит ни за что? Надеюсь, ты не веришь, что это она ту бабу убила из ревности...

– Какая ревность? – изумился Виктор. – Никогда в жизни я ей повода не давал для ревности!

– Ты? – Надежда едва не завопила в полный голос, но вовремя опомнилась. – Ты не давал? Да ты после инсульта совсем ополоумел, ко всем подряд женщинам приставал. Независимо от возраста и общественного положения!

– Не может быть! Откуда ты это знаешь? Мы с тобой сто лет не виделись! Я тебе не верю!

– Ага, стало быть, это не ты вот буквально вчера лез ко мне обниматься, хватал меня за ноги и утверждал, что у нас с тобой что-то было на втором курсе?

– В жизни у нас с тобой ничего не было, – твердо ответил Виктор, – даже в кино вдвоем ни разу не сходили.

И посмотрел ей прямо в глаза. А его глаза теперь были совсем не такими, как вчера. Вчера они показались Надежде какими-то странными, а теперь – глаза как глаза. Усталые, растерянные, но в целом обычные.

– Ну что ж, – Надежда успокоилась, – это хорошо, что ты стал нормальным человеком. Осталось только вспомнить весь этот год. – Она пристально взглянула на Виктора. – Собственно, хорошо бы для начала хоть вчерашний вечер вспомнить. Думай, Витя, дураком ты никогда не был, голова у тебя всегда работала. Это очень важно. Вспомни, кого ты видел, все вспомни. Ладно, я завтра зайду.

– Надя, мне бы хоть зубную щетку и мыло... – заныл Витька. – А то здесь мыла совсем нет. И полотенце все рваное...

– Ага, и трусы, и носочки шерстяные... – процедила Надежда, – еще котлеток домашних и курицу. Вот выйдет твоя жена из тюрьмы – и все принесет.

– Когда она еще выйдет...

– Совести у тебя нет, вот что! – окончательно рассердилась Надежда и едва придержала дверь палаты, чтобы не хлопнула. Больные ведь не виноваты...

Когда Надежда проходила мимо сестринского поста, из кабинета с табличкой «Старшая медсестра» вышла та самая женщина, которая была в палате у Сизова, и быстрыми шагами направилась к выходу из отделения.

Надежда посмотрела ей вслед. Что-то с этой женщиной было не так...

Виктор сказал, что она – его соседка, но сказал как-то неуверенно. Кажется, он ее толком не помнит. Но ведь он забыл только то, что произошло за последний год, после инсульта. А в своем доме они с Галкой живут уже давно, так что соседей должен помнить... И вообще всех знакомых. Узнал же он ее, Надежду.

Опять же, Галина говорила, что за последний год отношения с соседями у них здорово испортились из-за странного Витиного поведения. Так что не стала бы соседка навещать его в больнице.

И еще – с виду эта соседка не первой молодости, а сейчас, со спины, показалась гораздо моложе. Походка легкая, движения пружинистые... ну, конечно, может, она спортом

занимается или ходит на фитнес... Есть такие женщины – с возрастом у них появилось свободное время, так они его с толком тратят, о здоровье своем заботятся, фигуру берегут. Эта вон какая подтянутая и спортивная...

Вспомнив, что сама спортом не занимается, Надежда тут же привычно расстроилась. Ну, зарядку по утрам, она, конечно, делает, и в бассейн изредка ходит. От случая к случаю. Хотела было дать себе слово, что обязательно восполнит этот пробел, но решила реально смотреть на вещи и отмахнулась от этой мысли.

В это время из того же кабинета вышла крупная, монументальная особа в белом халате. По ее уверенному, начальственному виду Надежда догадалась, что это и есть старшая медсестра.

Тяжелыми шагами Командора она подошла к сестринскому посту и проговорила строгим, безапелляционным, слегка гнусавым голосом:

– Больного Сизова из двенадцатой палаты переведите в двадцатую Б, в одноместную.

– Одноместные палаты платные, а у него не оплачено, – торопливым сорочьим голосом возразила дежурная сестричка, сверившись с разлинованным листком. – А Роман Роланович распорядился, что только после оплаты...

– Вон как раз женщина пошла оплачивать. Как принесет квитанцию – так сразу и переведите! – с этими словами старшая сестра развернулась и ушла к себе в кабинет.

Надо же... Выходит, эта якобы соседка оплачивает Виктору одноместную палату! С чего бы такая трогательная забота о малознакомом человеке, всего лишь соседу по дому? Нет, надо с этим вопросом разобраться.

Надежда снова перевела взгляд на подозрительную женщину, которая стояла возле лифта, и устремилась к ней, но тут как раз двери лифта раздвинулись, и женщина уехала.

Надежда прибавила шагу, потом перешла на бег. Чтобы не дожидаться лифта, скатилась вниз по лестнице, и как раз успела добежать до первого этажа, когда таинственная незнакомка вышла из лифта и направилась вперед по коридору.

Надежда устремилась за ней, но расстояние между ними не уменьшалось, хотя незнакомка вроде бы и не бежала.

– Женщина, постойте! – окликнула ее Надежда, но та только прибавила шагу.

– Постойте же! Мне с вами нужно поговорить!

По напряженной спине Надежда поняла, что женщина ее отлично слышит, но и не думает останавливаться.

Быстрым шагом она прошла мимо окошечка, над которым висела табличка: «Оплата коммерческих услуг», и выскользнула на улицу.

Надежда тоже выскочила из больницы, остановилась на крыльце и растерянно завертела головой.

Незнакомки и след простыл.

– Куда же она подевалась? – пробормотала Надежда Николаевна себе под нос.

– Вы что-то спросили? – осведомилась поднявшаяся на крыльцо старушка.

– Нет, это я по телефону разговариваю, – отмахнулась Надежда. – С гарнитурой...

Врачи, кроме дежурного ординатора, давно разошлись по домам. Дежурная сестра разнесла больным прописанные лекарства, сделала положенные уколы и направилась в сестринскую. По пути она заглянула в холл, где последние, самые упорные из ходячих больных, приглушив звук телевизора, смотрели какое-то ток-шоу.

– Филатов, Мамонов, отбой! – проговорила сестра и выключила телевизор.

Больные уныло побрели в свою палату.

В отделении наступила тревожная больничная тишина.

Через несколько минут входная дверь отделения с негромким скрипом приоткрылась, и в коридоре показалась довольно высокая сухощавая медсестра в зеленой хирургической форме, причем внимательный взгляд отметил бы, что форма эта ей маловата. Но в коридоре не было ни души, так что медсестра настороженно огляделась и подошла к палате, на которой была прикреплена табличка с номером: «20 Б». Осторожно толкнув дверь, она юркнула внутрь.

Возле стены на узкой больничной кровати спал больной. Лица его было не видно, из-под одеяла торчала только забинтованная голова – в так называемой «шапочке Гиппократы».

Женщина в форме медсестры подошла к кровати, достала

из кармана заранее приготовленный одноразовый шприц и взяла спящего за руку. Из вены торчал катетер, замотанный пластырем. «Очень удобно», – усмехнулась про себя «медсестра» и, выпустив жидкость из шприца в катетер, отступила в сторону, куда не попадал свет слабой лампочки.

Больной вздрогнул и пошевелился. А увидев смутный силуэт на фоне окна, разлепил слипшиеся со сна губы и слабо прошептал:

– Кто вы?

– Дежурная сестра, – ответила женщина также шепотом. – Спите, спите, все в порядке!

– Де... дежурная? – переспросил больной. – Что-то я вас раньше не видел.

– А я только вчера перевелась с урологии.

– Вот как... – Больной замолчал, словно прислушиваясь к себе, а потом удивленно проговорил: – Что-то у меня голова кружится... комната прямо плывет... и в ушах шумит...

– Это ничего, это бывает, – успокоила его «медсестра». – Спите, утром все будет хорошо!

– Ну ладно, раз вы говорите... – Больной закрыл глаза и натянул одеяло повыше. – Спать...

– Вот именно – спать. И все кончится.

– Что... значит... кончится? – пролепетал больной, широко открыл глаза и даже попытался сесть на кровати.

– Черт! – закричала «медсестра», подбежав ближе. – Черт!

Но все и правда кончилось.

Глаза больного закатились, он вздрогнул, как от холода, и вытянулся на койке. Медсестра скрипнула зубами и проверила пульс. Только убедившись, что его нет, тяжело вздохнула и выскользнула из палаты.

Вечером адвокат не перезвонил, и утром Надежда позвонила сама. Он был очень недоволен, сказал, что бегают по инстанциям, собирает документы, и просил его не беспокоить. «Будут новости, сам позвоню», – заявил он и добавил, что с Галиной виделся, она очень волнуется за мужа и просила Надежду его навестить.

Надежда и сама решила еще раз съездить в больницу: авось Виктор за ночь что-нибудь вспомнил.

Она поднялась на третий этаж и направилась по знакомому коридору. Сегодня здесь царило какое-то странное, перевозное возбуждение. Медсестры вполголоса о чем-то переговаривались, а при приближении Надежды замолкали.

Она остановилась перед палатой с номером 20 Б, деликатно постучала и толкнула дверь.

Низенькая полная нянечка перестилала постель, больше никого в палате не было.

– А вы куда? – неприветливо осведомилась нянечка, увидев в дверях Надежду.

– Я пришла больного навестить, – ответила Надежда удивленно.

– Какого это больного? – переспросила нянечка, поджав губы, и почему-то отвела глаза.

– Ну, того, который здесь лежал... – проговорила Надежда неуверенно. – То есть должен был лежать. Виктор Сизов...

– Который здесь лежал? – нянечка попятилась и быстро взглянула на Надежду. – А вы кем ему будете? – Но тут до нее дошли последние слова Надежды, и она облегченно выдохнула: – Ах, вы к Сизову! Так он же не здесь, он же в двенадцатой! Вы в двенадцатую идите, там он!

– В двенадцатую? – переспросила Надежда. – Но его вроде сюда собирались перевести...

– Мало ли что собирались! – в голосе нянечки звучало явное облегчение, от которого она стала более разговорчивой. – Эта палата платная, повышенной комфортности, и Роман Роланович лично распорядился, чтобы до оплаты сюда никого не переводить, вот его и не перевели, потому как оплата своевременно не поступила... так что ваш Сизов в двенадцатой, где и раньше был! Можете к нему зайти, там он, на месте!

– В двенадцатой... – протянула Надежда, выходя в коридор.

Возле дверей палаты стояли двое больных – один в красном спортивном костюме, другой в синем. Тот, что в синем, качая головой, негромко произнес:

– Вот ведь жизнь наша! Вчера только с ним разговаривал, а сегодня уже – того!

– Ну, Степаныч, – рассудительно ответил ему второй, – жизнь, она такая... только что был человек – и нету! Закон

природы...

– Это понятно, Петрович, только я о другом. В каком отделении он лежал?

– Известно, в каком. В том же, что и мы с тобой. В неврологическом.

– То-то и оно, что в неврологическом! А умер он от чего?

– Сестричка говорила, что от сердца.

– То-то и оно, что от сердца! Так вот, Петрович, я считаю, что это непорядок. В каком отделении человек лежит – от того ему и помирать положено!

– Ну, это уж как кому повезет...

– И еще, Петрович, какая у меня мысль. Он ведь, человек этот, в какой палате лежал?

– Известно, в какой – вот в этой самой...

– Именно! А это какая палата?

– Известно, какая... платная, одноместная, с отдельными удобствами. Повышенной комфортности называется.

– Именно! Значит, богатый был человек. Ну, или, по крайней мере, не совсем бедный. А умер как...

Тут в коридоре появилась строгая медсестра и окликнула разговорчивых больных:

– Филатов, Мамонов, вы что здесь прохлаждаетесь? На процедуры быстро! Шура давно дожидается! Вечно вас по всему отделению искать приходится!

Больные смущенно переглянулись и затрусили в дальний конец коридора.

В двенадцатой палате было шумно. Возле окна двое больных раннего пенсионного возраста играли в шашки, комментируя каждый ход и обмениваясь цветистыми репликами, явно непригодными для женских ушей. Еще один пациент разговаривал по телефону, причем так громко, что было непонятно, зачем ему телефон, – казалось, он мог напрямую докричаться до своего собеседника. Еще один – толстый лысый дядька, похожий на артиста Леонова, – увлеченно слушал допотопный радиоприемник, поставив его себе на живот. Шла трансляция какого-то матча, и больной бурно реагировал на каждый гол или удачный пас.

Виктор полулежал на своей кровати, тоскливо глядя в потолок. Заметив приближающуюся Надежду, он прибавил во взор страдания и простонал:

– Надя! Надюша! Ты пришла!

– Как видишь, – строго ответила Надежда. Она не хотела баловать Виктора слишком мягким отношением.

– Ох, Надя, это такой кошмар! – забормотал он, понизив голос. – Такой ужас!

– Да в чем дело-то?

– В чем? Да вон тот тип, Спиридонов... – он показал глазами на мужчину с приемником, – до полуночи слушает свое радио и все время что-то бормочет, как будто спорит с ведущим... А Кувалдин – один из тех двоих, что в шашки играют, – храпит! Да так храпит, что глаз не сомкнуть...

– Сам храпишь! – отозвался игрок, отличавшийся, судя

по всему, отменным слухом.

– Ты видишь, какие тут условия? – простонал Виктор. – Я так долго не вынесу! Я три ночи не спал... я устал...

– Мне бы заснуть, отдохнуть... – подхватила Надежда.

– Да, конечно, – Виктор взглянул на нее подозрительно, почувствовав в ее словах какой-то подвох.

– Но только я лег – звонок! – Кто говорит? – Носорог!

– Что ты несешь? – обиделся Виктор. – Какой еще носорог?

– Да не кипятись! – усмехнулась Надежда. – Это цитата... детское стихотворение...

– Мне не до стихов! – проворчал Виктор. – Я действительно очень устал...

– Придется потерпеть! – сухо проговорила Надежда. – Представь, в каких условиях сейчас твоя жена... вот кому действительно не позавидуешь! А ты скоро выздоровеешь и выйдешь отсюда.

– Да, конечно, Гале не позавидуешь. Но все же здесь так тяжело, так тяжело... нельзя ли что-то придумать? – и он с артистичной мольбой взглянул на Надежду.

– Это ты о чем?

– Ну, помню, я как-то лежал в отдельной палате... там было гораздо удобнее, по крайней мере, тише...

– Помнишь? – ухватилась Надежда за ключевое слово. – Значит, ты начинаешь что-то вспоминать?

– Ну, не то чтобы четко, но какие-то отдельные картины

начинают всплывать...

– Очень хорошо! Лежи, вспоминай... это очень важно! Постепенно из этих отдельных картин сложится целое. Самое главное – постарайся вспомнить то, что случилось в тот роковой вечер в ресторане. Так мы сможем помочь Гале.

– Я пытаюсь... – вздохнул Виктор. – Но если бы была отдельная палата, процесс пошел бы лучше...

– Обойдешься!

– И кормят здесь ужасно. Вчера на ужин подали селедку и кефир – ты можешь себе представить?

– Ну, в больницах кормежка всегда не очень, но я тебе готовить не буду – у меня свой муж есть и дела. Твою, между прочим, жену пытаюсь вытащить.

– Да, я понимаю...

– Вот яблок тебе принесла, мытые... – она положила пакет на прикроватную тумбочку. – Ешь, витамины тебе нужны. Это хорошие яблоки, сорт «зимний банан». Ешь и вспоминай... Я в тебя верю! И мыло еще вот, и щетку зубную новую принесла, а то ведь завшивеешь тут, без мыла-то...

– А полотенце? – заныл Виктор. – Больничное все в дырах...

– Обойдешься!

Выйдя из палаты, Надежда задумалась.

Вчера та загадочная женщина – якобы соседка Виктора – собиралась оплатить для него отдельную палату. Это показалось Надежде странным: ведь Галина говорила, что после

болезни Виктора со всеми соседями они перессорились. Ну да ладно – это отдельный вопрос. Во всяком случае, палату она не оплатила. Возможно, потому, что ее спугнула Надежда, что само по себе выглядело подозрительно: честному человеку скрывать нечего и убегать от посторонних он не станет, ответит на все вопросы. А если и не захочет отвечать, то хотя бы бросит через плечо: мол, это вас, дама, не касается, почему я Виктора навещаю; короче, не твое собачье дело и не лезь, куда не просят.

В итоге в платную палату положили другого человека, и в ту же ночь он умер...

Ну, в конце концов, всякое бывает. Больница – она потому и больница, что в ней лежат больные, а не спортсмены или космонавты. И время от времени они умирают, несмотря на самоотверженную работу медиков. Но как верно заметил больной в красном спортивном костюме, пациент из платной палаты умер не от того, от чего его лечили. А это уже непорядок...

Да ладно, возразил Надежде внутренний голос, это всего лишь совпадение. Пациент умер от сердечного приступа, а это – самая распространенная причина смерти. Особенно у мужчин после сорока. Эти вообще в группе риска.

И все же что-то во всем этом было странное...

Надежда Николаевна почувствовала характерное покалывание в кончиках волос, которое всегда у нее появлялось в подозрительных случаях. Ей все не нравилось. Приходит ка-

кая-то подозрительная баба, хочет поместить Виктора в отдельную палату – и нате вам, ночью в этой палате умирает больной, который, на свою беду, решил улучшить больничные условия. Нет уж, никакой платной палаты для Виктора! Пускай все время на людях находится, так оно спокойнее.

Дежурная сестра выключила телевизор в холле, разнесла больным градусники и таблетки и ушла в сестринскую. Ходячие больные разошлись по своим палатам, и в отделении снова наступила беспокойная ночная тишина.

Виктор Сизов заснул, и ему привиделся странный сон. Какая-то женщина сердито выговаривала ему непонятно за что, смотрела строго и неприязненно, грозила пальцем, как нашкодившему ребенку... А потом появился мужчина. Он размахивал кулаками, кричал что-то злое, бессвязное... постепенно этот крик стал и вовсе нечленораздельным, превратившись в громкий хрип, а точнее храп.

Виктор проснулся. Храп ему вовсе не привиделся – сосед по палате и в самом деле громко храпел. Сизов вспомнил, как кто-то ему рассказывал, что, если посвистеть, храпун затихнет. Он принялся тихонько посвистывать, и на какое-то время храп прекратился, но через минуту возобновился с новой, поистине богатырской силой.

Виктор понял, что заснуть больше не удастся, и от нечего делать стал вспоминать прерванный сон. Женщина, которая его отчитывала... ведь это была Валентина, соседка с нижнего этажа. А появившийся позднее мужчина – ее муж, Ана-

толий. Почему он так сердился? И тут Виктор вспомнил, что с ним и правда случилось нечто странное. Они с Валентиной ехали в лифте. Вдвоем. Он что-то сказал или даже сделал... Валентина оттолкнула его и резко отчитала. Но что он мог сделать?

Надя рассказала ему, что после болезни он начал приставать ко всем женщинам, знакомым и незнакомым, из-за чего они перессорились со всеми соседями. Те высказывали Галине свои претензии, она оправдывалась жалким голосом, а потом просила его взять себя в руки...

Что было дальше, Виктор не помнил. Помнил только, что потом была другая соседка, совсем молодая женщина с коляской, и какой-то парень замахивался на него, а Галина хватала парня за руки и показывала какие-то бумаги с печатями. В конце концов тот плюнул и ушел, а Галина вдруг села на пол и заплакала.

Выходит, Надежда ничего не выдумывала и не преувеличивала? Поначалу Виктор не до конца ей поверил, но этот странный сон... да и не только сон...

Стыдно-то как! Неужели он и правда вел себя как последний дурак? Это ведь совсем на него непохоже. Но тут в голове начали всплывать разрозненные фрагменты воспоминаний, как будто осколки разбитого зеркала. Зеркала, в котором отражался большой период его жизни. Если верить Наде – целый год.

А Наде он верил. Она всегда была толковой и здравомыс-

лящей женщиной. Вот только откуда она взялась в его жизни после большого перерыва? Ах да, она говорила, что они встретились пару дней назад в ресторане...

Зацепившись за обрывки сна, Виктор попытался восстановить в памяти другие кусочки пропавшего года.

Он снова вспомнил сцену в лифте. Валентина была в легком цветастом платье – значит, дело происходило летом, а сейчас зима. Странная зима – без снега, без морозов. Но тогда точно было лето. Куда же пропало все остальное – конец лета, осень?.. Как восстановить это утраченное время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.